

фантастическая
история

Книги Александра Сапарова
в серии «Фантастическая История»

НАЗАД В ЮНОСТЬ

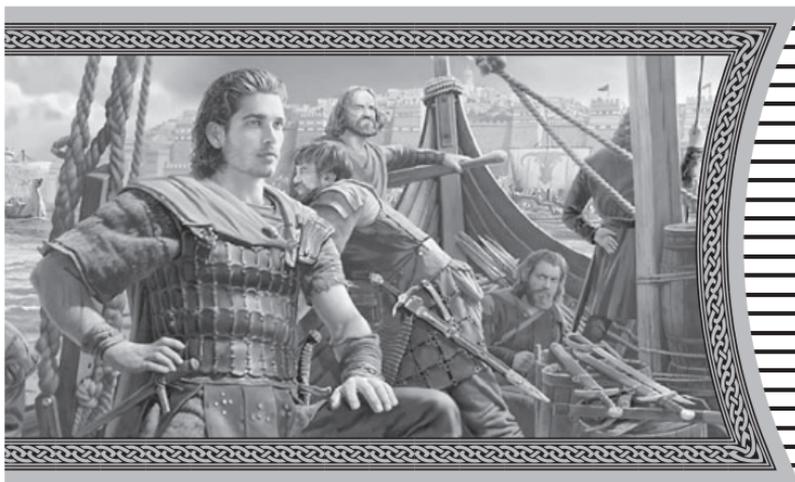
ЦАРЕВ ВРАЧ, ИЛИ КОГДА СКАЛЬПЕЛЬ СИЛЬНЕЕ КЛИНКА
ЛИЧНЫЙ ЛЕКАРЬ ГРОЗНОГО ЦАРЯ

ПУТЬ К ТРОНУ. КНЯЗЬ ГЛЕБ ТАВРИЧЕСКИЙ

МОСКВА, 2016

фантастическая
история

Александр Сапаров

Путь к трону.
Князь Глеб Таврический

€ ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
С19

Серия основана в 2010 году
Выпуск 95

Сапаров А.

С19 Путь к трону. Князь Глеб Таврический: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016. — 281 с.: ил. — (Фантастическая История).

ISBN 978-5-9922-1825-1

Волхвы Руси, предвидящие будущие невзгоды, таинственным путем переносят в прошлое человека нашего времени. Так руководитель секретного подразделения внешней разведки России попадает в начало двенадцатого века и получает внешность пропавшего сына князя Владимира Мономаха. Используя свои знания и обретенную внешность, он быстро поднимается по карьерной лестнице, лелея планы изменить ход истории нашей страны, чтобы через сто лет армию монголов встретили тысячные рати великой России.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Александр Сапаров, 2016
© Художественное оформление,
ISBN 978-5-9922-1825-1 «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016

Не знаешь, когда тебя настигнет неудача. Обычно это бывает, когда рассчитываешь на что-то хорошее — ну, например, на поездку в Сочи. Я шел с работы, в кармане лежал билет на самолет. Позади было прощание с коллегами, которые во время распития бутылочки коньяка многозначительно вспоминали свои курортные приключения. Настроение было великолепным. Мы только что закончили разработку очень важной операции, закончившейся вполне успешно, — руководство прыгало от восторга: соседняя страна резко поменяла свои приоритеты, а меня ожидали пляж и море.

Скрип тормозов оторвал от раздумий, и последнее, что мне довелось увидеть в этой жизни, был падающий прямо на меня фонарный столб.

Я пришел в себя от холода. Казалось, все мышцы не могут двигаться, настолько они занемели и продрогли. От крупной дрожи тряслась даже голова. Открыв глаза, увидел прямо перед собой еловую ветку. Когда поднял взгляд выше, среди верхушек высоких елей, угрожающе склонившихся надо мной, увидел кусочек голубого неба. Почувствовав укус в правой руке, кого-то смахнул с нее. Оказалось, крупного муравья. Попробовал встать — получилось. Над головой звенели комары.

Вокруг высился мрачный еловый лес. Ноги едва

не по колено утопали в слое мха. Прилетевший откуда-то свежий утренний ветерок прогнал комаров, но заставил еще больше ежиться от холода — голое тело покрылось мурашками: на мне не осталось ни единой тряпочки. Мыслей в голове тоже не было. Вообще резкий переход из одной действительности в другую привел меня в ступор.

Тихий шорох справа заставил повернуть голову в ту сторону. Под размашистыми еловыми ветвями стоял крупный волк. Его янтарные глаза смотрели на меня, не отрываясь, а щеки, морщась, поднимались вверх, обнажая огромные клыки.

Я инстинктивно нагнулся и, схватив огромный сук, валявшийся рядом, шагнул к нему. Волк исчез, и мое движение как будто пробудило лес вокруг: стало слышно щебетанье проснувшихся птиц, легкий шум ветра в верхушках деревьев.

И только сейчас на меня навалилась вся тяжесть случившегося. Один в лесу, где — понятия не имею, и к тому же совершенно голый. Не веря своим глазам, я наклонился и вырвал пучок мха, впрочем, он, как и непонятным образом попавший сюда сосновый сук, был вполне реальным. От елей, возвышающихся вокруг меня, несло запахом смолы и хвои. Мысли по-прежнему со скрежетом проворачивались в голове.

«Как и почему я здесь?» — был главный вопрос.

В моей долгой, изобилующей приключениями жизни бывало всякое. Но вот такого еще не случилось. Я, Коршунов Константин Михайлович, сорок шесть лет, когда-то подполковник спецназа ФСБ (рост два метра, вес сто семнадцать килограмм), перешедший после ранения с оперативной работы, очень, скажем так, специфичной, на штабную и последние лет десять служащий в звании полковника начальником отдела планирования очень специальных операций по устранению мешающих наше-

му государству зарубежных индивидуумов, возможно, пал жертвой розыгрыша, если не сказать хуже.

Но какая же... самка собаки жестоко надо мной подшутила? Может, пока был без сознания, меня принесли сюда и оставили?

Я поглядел по сторонам. На мягком зеленом мху просматривались только те самые волчьи следы, а еще вмятина, оставшаяся на месте, где я лежал. Никаких других свидетельств пребывания кого-либо еще не наблюдалось.

«Может, меня опустили с вертолета?» — промелькнула мысль. Начал осматривать ближайшие деревья, надеясь увидеть следы от фала, но ничего не мог найти.

Однако заниматься дальнейшими поисками чужих следов было недосуг, все это можно выяснять позже, сейчас надо думать о выживании. Ведь без одежды, еды долго в лесу не протяну, надо в темпе искать людей, если они здесь, конечно, есть, и для этого существует верный путь — идти к воде. Пока разглядывал окружающую меня природу, солнце еще немного поднялось и уже проглядывало сквозь деревья, и, избрав своей целью южное направление, тем более что казалось, будто в той стороне земля немного идет под уклон, я потихоньку отправился в путь. Минут через десять мне повезло набрести на высокий выворотень. Огромную ель уронило ветром, и с ее торчащих корней осыпалась масса грунта и камней. Выбрав по виду самый слоистый камешек, я положил его на другой — большой и плоский валун — и расколол его более тяжелым третьим. Вокруг разлетелось несколько острых осколков, я выбрал самый удобный и крепко зажал его в руке. Хотя это была пародия на оружие, острые края камня резали ладонь, все же я почувствовал себя на йоту увереннее.

Я шел уже около часа, постепенно мха становилось все больше, возникли оконца темной воды, и вскоре под ногами захлюпало, а впереди в лесу появился просвет. Но мне радоваться не пришлось — это было всего лишь топкое болото. Когда начал его обходить, собирая уже краснеющие ягоды брусники, наконец нашел то, к чему стремился: небольшой ручеек выбивался из-под мха и, журча по камням, устремлялся в неведомые дали. Встав на колени, я приник губами к темной воде, пахнущей торфом, и сделал несколько глотков. Потом с удовольствием ополоснул лицо, исцарапанное ветками, и хоть на время избавился от паутины, собравшейся на нем и голове. Исколотые в кровь ноги щипало и саднило, но надо было идти вперед.

Лес стал понемногу светлеть, в нем начали появляться березы. На них с пересвистыванием, нисколько не боясь меня, перелетали рябчики, я же с унылой безнадегой наблюдал за ними. Внезапная идея, пришедшая в голову, заставила остановиться. Подойдя к высокой стройной березе, я с силой подрезал камнем кору и с его помощью стал винтом снимать узкую полосу бересты шириной сантиметра три.

Через час в моем распоряжении был пук берестяной полоски, и я добрым словом вспомнил своего давнего деревенского соседа деда Владимира Рожина. Когда-то, лет пятнадцать назад, отдыхая на даче, я углядел у него отличный берестяной короб и сразу напросился в ученики, желая научиться плести вещи из бересты. Дед не кочевряжился и сразу согласился помочь. В лес его пришлось везти на машине, потому как ходить он совсем не мог. Ехали мы недолго, погода была прекрасной, пригревало солнышко, и я, в отличие от меня нынешнего, был достаточно прилично одет. Мы заехали по глубокой колее в глубь березовой рощи, и, заглушив мотор, я помог Рожину выйти из машины.

Он уселся на ближайший пенек и слезящимися глазами оглядывал все вокруг и глубоко вдыхал лесной воздух, напоенный ароматом цветущего шиповника.

— Да, паря, наверно, последний раз вижу эту благодать, — вздыхал он, — спасибо тебе, что времени не пожалел.

Потом дед с кряхтением поднялся и ловко на этом же пеньке вырубил из стволика тонкого клена небольшой колышек. А затем показал, как таким колышком можно снимать витки бересты и потом сворачивать в гигантские шары, которые потом можно годами хранить для различных поделок. Когда будет нужно, надо всего лишь положить такой шар в теплую воду — и рабочий материал готов.

Так и сейчас, надрвав полосок бересты, усевшись голым задом на гладкую теплую поверхность упавшего на прогалине ствола осины, я принялся плести лапти. Прямо скажем, нам только кажется, что это легко. Однако с третьей попытки, держа в уме дедовские наставления, все-таки удалось сплести подходящую обувь и, набив ее быстро высохшим на солнце мхом, надеть на свои бедные ноги, исколотые шишками, ветками и прочим лесным хламом. Попрыгав по мху, я проверил качество своего произведения. Конечно, это было совсем другое дело, я даже почувствовал на несколько секунд себя человеком. Но затем, критически оглядевшись, понял, что для «человека» мне не хватает еще очень многого. Поэтому я взял широкую ленту бересты, опоясал талию и скрепил эту ленту щепкой, а на нее приделал еще плетеный кармашек для камней, так, чтобы он хоть слегка прикрывал причинное место. Времени на все это ушло изрядно, и солнце склонилось на вторую половину дня, когда мне удалось вновь отправиться в путь. Сейчас, когда я мог уже более спокойно воспринимать окружающее,

вернее, еще во время плетения обратил внимание, что почему-то очень неплохо вижу вблизи, а ведь буквально вчера мое зрение требовало очков в две диоптрии. А еще я просто не узнавал левой кисти руки: уродливые шрамы от когда-то полученных шальных осколков гранаты с нее исчезли.

Я шел вдоль ручья, по моим прикидкам, около двух часов; постепенно тот начал расширяться, появились небольшие заводи, в которых плескалась крупная рыба. Живот давно уже исполнял траурные марши, а когда я увидел, как из воды выскочила крупная форель в погоне за мухой, мой голодающий желудок чуть не свернулся в трубочку.

Побродив по окружающим зарослям, обнаружил тонкую сухую жердь, подходящую для моих целей, и потом час пытался заострить ее конец своими камнем. Все-таки я довел это дело до победного конца — не скажу, что кончик моего «копья» был как иголка, но палец им уколоть было возможно.

И вот, усевшись на гранитный валун посреди потока, я стал внимательно всматриваться в воду. Из-за боязни сломать свою деревяшку о каменистое дно речушки действовал очень осторожно и из-за этого постоянно промахивался. Но когда надежда на добычу после десятка пустых замахов была почти потеряна, очередной удар проткнул форель и прижал ее ко дну. Не поднимая своей самодельной остроги, я спрыгнул в воду и схватил холодную бьющуюся рыбину. Когда выбрался на берег, был мокрым с головы до ног. Быстро отряхнулся, как собака, и отжал на удивление длинные волосы, что меня изрядно озадачило: еще несколько часов назад я вроде был подстрижен почти под ноль, — от свежего ветерка по телу побежали мурашки. К счастью, еще достаточно жаркое солнце быстро высушило меня. Я аккуратно выпотрошил форель, промыл ее в воде и съел почти полностью. Без соли мясо

имело необычный вкус, но я был так голоден, что не успел обратить на это внимания. После не очень вкусного, но приличного по объему обеда потянуло в сон. И, плюнув на все окружающие опасности, растянулся голышом на мху и заснул.

Когда к вечеру проснулся, так хорошо мне уже не было, вокруг стоял комариный звон, усилившийся ветер охлаждал кожу. Солнце, склонявшееся за деревья, почти не грело. Размышлял, что делать, недолго. Если залезу на дерево, то, вероятнее всего, замерзну до смерти, если буду ночевать внизу — могу быть съеденным кем угодно. Поэтому решил ночевать под упавшим еловым стволом, рядом с корнями. Натаскал туда кучу мха, стараясь собрать посуше, и, забив проход к себе еловыми лапами, закопался поглубже в мох, понемногу согрелся и заснул.

Утро наступило неожиданно быстро, вылезать из нагретой за ночь постели не хотелось. Я подождал, когда солнце поднимется повыше, начнет немного припекать, и побрел вдоль ручья, периодически обходя лесные завалы или места впадения в ручей более мелких проток. К середине дня шел уже вдоль настоящей реки шириной метров двадцать, но признаков жилья или деятельности человека не было. За все это время я не услышал ни самолета, ни звуков валки леса — ничего, что обычно слышно в наших лесах. К полудню стало жарко, на открытых местах на меня налетали тучи черных слепней, оставлявшие после себя на коже кровавые следы укусов. В тенистом ельнике, наоборот, звенели комары. Мне пришлось несколько раз ополаскиваться в речке, но это помогало ненадолго. Я упрямо шел вперед, хотя иногда на меня нападали приступы паники: «Неужели мне суждено будет закончить жизнь таким образом? В диком лесу, до смерти заеденным гнусом и слепнями?..»

Я старался отгонять эти мысли прочь, но они все

чаще стали посещать меня. К вечеру путь привел к большому тихому плесу. Я подошел к берегу и, усевшись на камень, взглянул в воду. Оттуда на меня смотрел незнакомый молодой здоровый парень с бугрящимися мышцами на руках и каштановыми вьющимися волосами, с лицом, изъеденным укусами комаров и слепней.

Что же произошло? Мало того что проснулся голым, неизвестно где, так еще в возрасте двадцати лет и не со своим лицом.

Я сидел и никак не мог поверить в то, что случилось. Если до этого думал, что кто-то жестоко, но незамысловато подшутил надо мной, то возвращенная молодость — это уже серьезно. Может, мой разум сейчас просто в другом теле?..

«Эй, хозяин, отзовись», — мысленно попытался связаться с предполагаемым владельцем тела, но ответа так и не дождался. Я прочитал немало книг о попаданцах, и до меня наконец дошло, что скорее всего со мной произошла такая же абсолютно невероятная история. Мой рациональный разум просто отказывался до этого момента воспринимать подобное событие всерьез. Однако попаданцы оказывались в иных мирах вооруженными чем-то в основном более существенным, чем я... Впрочем, молодое тело — это очень неплохой бонус. И мне не остается ничего другого, как отправляться дальше в поисках человеческого жилья, ну а уж если такового здесь не будет, то переходить на режим существования Робинзона и как-то пытаться устроиться в этой жизни. Настроение было, конечно, на нуле. Жрать хотелось невероятно. Пришлось нахлебаться воды, чтобы хоть как-то наполнить желудок.

Ловить рыбу в глубоком плесе было бесполезно, и я, отыскав на берегу упавшую елку, натаскал под

нее хвои, сверху заложил мхом, устроился удобней и заснул, несмотря на голодное звучанье в животе.

Утром, когда я проснулся, солнца не было видно, небо заложили серые тучи, и моросил мелкий дождик. Я лежал в своем гнезде до тех пор, пока капли воды не добрались до меня. Выбрался наружу, чтобы совсем не продрогнуть, и начал бегать туда-сюда по небольшому заливному лугу. Слегка согревшись, задумчиво поглядел на вылезшую откуда-то лягушку, но все же решил с подобной закуской немного повременить. И продолжил все тот же путь, уже по берегу широкой реки, плавно несущей свои воды на юго-запад. К полудню дождь все же закончился, и тучи понемногу разошлись. Выглянуло солнце, стало немного веселей.

Периодически на пути встречались пороги, в которых ревела вода, и по берегам торчали большие серые скалы. Потому мысль попробовать сделать плот посещала меня не особо. После одного из порогов, когда шел по высокому берегу, показалось, что шагаю по тропке. Сначала, не веря своим глазам, подумал, что это просто звериная тропа, протоптанная к водопою, но тропа становилась все шире, и вскоре я неожиданно вышел на небольшую поляну. На ней, похоже, был пожар, но, присмотревшись, я заметил, что все упавшие деревья были срублены, с одного края уже выкорчевано несколько пней, а под дальними торчит несколько ваг. Внезапно закружилась голова и бешено застучало сердце. Из-за резкой слабости в ногах мне пришлось сесть на ближайшее упавшее дерево. Несколько минут я сидел, глубоко дыша, пытаясь успокоиться. Видимо, я уже настолько уверовал в свое одиночество в дикой тайге, что следы деятельности человека произвели на меня такое действие. Понемногу бешеное биение сердца унялось, исчез звон в голове. Я осторожно

поднялся и стал внимательно оглядывать все вокруг.

«Это что же, подсечное земледелие? Куда же и какой черт меня занес? Помнится, в каком-то музее видел я подобные картинки», — нервно крутились мысли в голове.

Обойдя поляну, ничего полезного на ней не нашел и уже по натопанной почти дороге пошагал дальше. Еще час ходьбы привел к полю, на котором колосилась, по-видимому, тощая рожь или ячмень, — моих познаний в агрономии, увы, не хватало для определения злаков. Большая часть поля была уже сжата. За ним метрах в ста виднелся забор, сделанный из целиковых стволов, вплотную вкопанных друг к другу и заканчивающихся заостренными обугленными концами. В заборе виднелись небольшие ворота, по-видимому заложенные чем-то изнутри. Пахло дымом и каким-то варевом, на что мой желудок отреагировал болезненной судорогой.

Подойдя к воротам, я аккуратно постучал. Во дворе кто-то ойкнул, и началась беготня. Над тыном появилась лохматая голова и, оглядевшись вокруг, что-то крикнула, но я не понял ничего. Внезапно створка ворот распахнулась, и на меня, держа деревянные вилы в руках, попер низенький мужик — ростом он мне был, наверно, чуть повыше пупка и струхнул изрядно. Все-таки рост два метра и два сантиметра и в мое время вызывал немалое уважение. Я отступил на шаг и поднял руки вверх, демонстрируя, что у меня ничего нет. Потом знаками показал, что кидаю вилами сено, а потом показал на рот. Мужик попался сообразительный и согласно закивал, а потом, вытащив из-за пояса приличный килорез, слегка оцарапал мне запястье и, увидев кровь, что-то ободряюще прокричал во двор.

Когда я зашел туда, все домочадцы уже выскочи-

ли на улицу и оживленно переговаривались, с удивлением рассматривая меня. Две рыжие собачонки усердно облаивали меня, стараясь укусить за ноги. Лишь мелкая лошаденка, стоявшая запряженной в большую волокушу, не обратила на меня внимания, а опустив голову, старательно жевала мякину, видимо оставшуюся после обмолота ржи.

Я прислушался к речи лесных жителей: чем-то мне этот язык был знаком.

— Вепс? — спросил я хозяина, указывая на него пальцем.

Явно поняв мой вопрос, хозяин согласно закивал и вновь разразился целой речью, показывая на меня и неоднократно вопросительно повторяя:

— Нурманн?

— Я не нурманн! — был мой громкий ответ, при этом я еще пытался махать рукой. — Я — русский.

Хозяева переглянулись и, не поняв ничего, пригласили меня в избу. Высокий рубленый в лапу дом, крытый потемневшей дранкой, выглядел совсем неплохо. Мы поднялись по высокому крыльцу на второй этаж, с первого слышалось мычание коровы и блеяние овец. А вот внутри было уже совсем не так хорошо. Потолки здесь были значительно ниже моего роста, поэтому пришлось идти нагнувшись. В конце единственной комнаты был сложен очаг из камней, в котором имелось несколько отверстий, чтобы ставить горшки. От одного такого горшка, стоявшего там, исходил аромат, на который мой желудок отозвался хорошо слышной музыкой. От бревенчатых темных стен несло дымом, потолок был вообще закопчен дочерна, — видимо, при растопке большая часть дыма оставалась в доме, прежде чем его начинало вытягивать через деревянную трубу в потолок. Из пазов между плохо законопаченными бревнами торчал мох. Посреди помещения стоял грубо сделанный стол из тесанных топором досок,

вдоль него располагались лавки. Такие же лавки были вдоль стен. Другую часть комнаты занимал огромный ткацкий станок, в котором лежала начатая холстина. Там же, на полке около торчавшей из стены потушенной недогоревшей лучины, лежала пара веретен и стояла стойка с куделью.

Только сейчас до меня дошло, что я голый. Но на мою наготу особого внимания никто не обратил, хотя две девицы вначале похихикали, глядя на мое скукоженное от холода достоинство.

Хозяин поднял крышку лавки, стоявшей у стены, достал из глубин рундука старые латаные порты, сунул их мне в руки и попытался похлопать по плечу, но не достал. Я быстро натянул это тряпье и хотел перевязать его все той же березовой лентой, но вепс протянул мне плетеную льняную веревку, и проблема удержания штанов была решена. Больше мне пока никакой одежды не выделили, но для меня сейчас и холщовые драные порты были праздником.

Немного погодя все сели за стол, хозяйка, нату- жась, вынула горшок из очага и поставила на середину стола, члены семьи начали по очереди залезать в него своими ложками. Мне тоже выделили убогую ложку, по-видимому, творение кого-то из детей, потому что есть ею было совершенно невозможно. Но я, попросив нож, быстро сделал конус из бересты и, зацепив его палочкой, вместе с остальными стал есть аппетитно пахнущее варево в горшке. Это оказалась до каши распаренная репа, она была чуть подсолена и вместе с куском черного хлеба, по консистенции напоминающего глину, оказалась мне, голодавшему три дня, лучшим блюдом на свете.

После ужина быстро темнело, два маленьких окошка, затянутых бычьим пузырем, почти не пропускали света. В женском углу зажгли лучину, и

под хиханье и хаханье девушек и их мамыши слышался шорох веретен и стук ткацкого станка. Немного погодя женщины завели заунывную грустную песню, в которой я, естественно, ни хрена не понимал. Продолжалось это еще около двух часов, затем из-под лавок были раскатаны грубые, сшитые из шкур и тряпок перины, набитые утиным пухом, и потертые, плохо выделанные сшитые вместе овечьи шкуры. Мне было предложено отдельное место немного в стороне от остальных домочадцев, спавших вплотную друг к другу.

Лучина была задута, и наступила полная темнота. Буквально через пару минут наступившую тишину нарушило сосредоточенное сопение хозяина и легкое постанывание его жены. Еще через пять минут они оба, облегченно вздохнув, захрапели.

Я испытывал такой кайф после двух ночевок голым в полусыром мху, что теплая овечья шкура мне казалась верхом блаженства. Глаза уже закрывались, когда я неожиданно обнаружил, что под мышкой появилась чья-то голова, и с удивлением понял, что рядом со мной лежит обнаженной одна из хихикавших девчонок. Она робко полезла рукой к моему органу, затем я услышал ее довольное хмыканье, но даже не успел ничего предпринять самостоятельно, как девушка в прямом смысле взяла инициативу полностью в свои руки. В сей ответственный момент рядом со мной опять кто-то зашевелится — это оказалась вторая девчонка, которая что-то шептала недовольным голосом своей сестре, — она, похоже, злилась, что долго ждет своей очереди. После того как обе молоденькие вепки наконец от меня отстали, я заснул мертвецким сном в несколько секунд.

Утро для меня началось с того, что с меня бесцеремонно стащили овечьи шкуры, исполнявшие

функции одеял. Все, похоже, давно встали и занимались делами. Хозяин, которого, как я понял, звали Вейкко, подал мне длинную льняную рубаху с многочисленными дырками. А поверх нее предложил грубый армяк, сшитый из овечьих шкур и воляющий кислым тестом. Армяк был мне по пояс, руки по локоть высывались из рукавов, а когда я попробовал его запахнуть, раздался подозрительный треск. Ну и ладно, решил я, буду пока ходить нараспашку — все равно лучше, чем голышом. Мы доели холодные остатки репы, запили их кислым до ужаса квасом с краюхой зачерствелого черного хлеба, потом Вейкко поманил меня во двор, я не торопясь замотал ноги выданными мне тряпками и надел лапти собственного производства. Надо сказать, были они ничуть не хуже, чем у членов вепсского семейства. Когда мы вышли на улицу, я увидел, что там нас уже ожидают трое его сыновей, они были такими же мелкими, как отец, только не такими коренастыми. Ну что же, пришла пора отрабатывать еду, одежду и кров. Мы взяли пару топоров и направились в сторону пала, откуда я вчера пришел в их дом. Парни всю дорогу оживленно болтали, бросая на меня ехидные взгляды. По ним было件нятно, что мои ночные приключения не остались тайной для окружающих, и похоже, девушки проделали это с благословения родителей.

Дорога не заняла много времени. Когда мы пришли, парни сразу начали сгребать остатки стволов, сучья в кучи и разжигать их заново с помощью тлеющих еще углей. Мне с Вейкко пришлось заниматься более тяжелой работой — корчеванием пней. Мы вначале обрубали корни, а потом на пару, подложив под здоровенную вагу бревно, проверяли корни на крепость. Работа спорилась, потому что я был, наверно, раза в четыре тяжелее и выдирап пни

гораздо легче, чем мой хозяин. Вейкко был доволен и пытался мне что-то объяснять.

Зато к концу дня я знал несколько слов вепсского языка, и все они, похоже, были нецензурными.

Когда мы к вечеру пришли к дому, я обнаружил, что небольшое приземистое бревенчатое строение на берегу реки дымится со всех сторон. Дым лез из всех щелей и меньше всего в трубу.

«Неужели баню топят!» — с надеждой подумал я. И действительно обе девушки, сегодня ночью побывавшие у меня под одеялом, сутились у дверей предполагаемой бани. Там же горел еще и костер, из которого они периодически деревянными щипцами доставали небольшие округлые камни и кидали их в ушаты с водой, оттуда раздавалось громкое шипение и поднимались столбы пара, — я еще подивился, как с умом выбраны камни, которые не трескаются от такого издевательства. Мы посидели на крыльце, ожидая, когда протопится каменка и нагреется вода в деревянных ведрах, и вскоре хозяин доброжелательно замахал мне руками, приглашая мыться. Когда я, скинув одежду, залез, согнувшись в три погибели, в мыльню, на полке уже сидели хихикающие девчонки, светясь в полутьме своими белыми прелестями. Тут меня осенило, и я, накинув армяк, выскочил на улицу и, подбежав к ближайшей березе, начал ломать ветки. Поздние, начинающие желтеть листья, конечно, были уже совсем плохими, но все же мне удалось связать удовлетворительный веничек, и с ним я вновь уселся рядом с девушками. Они с недоумением смотрели на веник, а когда я подкинул горячей воды на каменку, завизжали и кинулись на пол. Я же с удовольствием охаживал себя веником со всех сторон, чувствуя, как с меня сползает вся грязь, которую собрал, шляясь трое суток голым по северному лесу. Девчонки постепенно оклемались и вновь усе-

лись рядом со мной, и даже дали похлопать себя ве­ником по всяким соблазнительным местам, когда же я, возбужденный таким зрелищем, захотел большего — мне отказали, показав знаками, что все еще впереди. Потом я лег на скамейку лицом вниз, а одна из девушек, усевшись на меня, яростно терла спину лыковой мочалкой, периодически смачивая ее в горшке с разведенным щелоком. Когда мы, красные и распаренные, отмывшиеся щелоком до скрипа, вышли из темного банного нутра, нам на­встречу уже шли давно ожидавшие этого момента оставшиеся члены семейства. После бани я впервые за эти дни почувствовал себя человеком. А наутро все началось заново — тяжелая работа, скудная еда и пни, пни во сне и наяву.

В такой работе прошли две недели, становилось все холоднее, — по-видимому, уже была вторая по­ловина сентября. На будущем огнище мы полно­стью выкорчевали все пни и бросили всю древесину сохнуть до конца зимы, чтобы весной полностью сжечь высохшие древесные остатки. А на золе, оставшейся после пала, после посева вырастет но­вая рожь. Пройдет два года — и новый пал пройдет уже в другом месте. И подобный способ земледелия будет в этих местах еще несколько сот лет, пока на­конец огнищане не перейдут на более прогрессив­ные методы земледелия. Я за это время смог выу­чить несколько десятков слов и мог кое-как общать­ся, тем более что словарный запас у лесных жите­лей был не очень большим. Меня, кстати, заинтересовало, почему Вейкко с семьей не живет, как обычно вепсы, в небольшой веси на три-четыре двора, а на отшибе в глубине леса, но задавать такие вопросы я попросту постеснялся.

Начались первые заморозки, реку с берегов уже сковывало льдом. По безыскусному чертежу Вей­кко, нарисованному им прутиком на пепле костра,

мне стало понятно, что вышел я, оказывается, в своих странствиях на приток Свири, так что до средневековой цивилизации отсюда было совсем недалеко. Хотя, по правде сказать, какой сейчас год, я абсолютно не представлял. И есть ли цивилизация на самом деле. Но железные топоры и ножи в хозяйстве подтверждали, что, по крайней мере, железо эта цивилизация знает. Я втянулся в тяжелую работу и не уставал так сильно, как в первые дни, и теперь часто вечерами задумывался о своей судьбе. Совершенно не хотелось провести всю жизнь в северных лесах, занимаясь убогим сельским хозяйством. Однако мне казалось, что, не зная ни языка, ни обычаев, покидать гостеприимный дом вепсов очень неразумно. Но все равно надо было готовиться к встрече с жестоким миром, лежащим за лесами. И скоро все семейство с удивлением следило за моими упражнениями. Я бегал, прыгал, восстанавливал все навыки, утерянные за много лет кабинетной работы, когда надо было шевелить только мозгами. Мое молодое тело с удовольствием откликалось на тренировки, а растяжку я смог вскоре сделать такую, что довольно легко садился на шпагат. К сожалению, у Вейкко совсем не было оружия, поэтому учиться работать с мечом не получилось. Незаметно за заботами пришла настоящая зима. Вокруг дома засверкали белизной сугробы, еще не разбавленные сернистыми выбросами заводов Северной Европы. Я уже смирился с тем, что зимовать буду с семейством вепсов. Рожь и ячмень были убраны, сено, накошенное на узких лесных прогалинах, ждало вывозки, дров для очага было завалилось. В общем, живи и радуйся. Однако Вейкко ходил чем-то недовольный и вздрагивал от каждого постороннего шума, а его жена часто показывалась с покрасневшими от слез глазами. Когда стал со своим хилым знанием языка выяснять, в чем дело, я узнал, что Вейкко ушел из де-

ревни несколько лет назад и не платил пошлины Белозерскому князю, считавшемуся хозяином этих мест. А зимой по рекам разъезжают в поисках таких одиночек мытники, которые рады раздеть и разуть любого встречного. И если на них наткнутся этой зимой, что очень даже возможно, семья может оказаться у разбитого корыта.

И действительно, когда установились морозы и снега уже было по пояс, в ворота громко и требовательно застучали. Вейкко отодвинул задвижку на окне, выглянул туда и, спав с лица, побежал ворота откапывать. Примерно через час он с парнями смог открыть их, и во двор на коне въехал толстый тепло одетый бородатый мужик с мечом на поясе. За ним следовал санный обоз из трех саней с возчиками. Мужик кинул поводья Вейкко и молча поднялся в дом. Разговор сразу пошел на повышенных тонах, Вейкко валялся в ногах у мытника, гордо восседавшего на лавке, но тот только давал распоряжения возчикам выгрести одну клеть за другой. Те с шуточками-прибауточками сносили в сани зерно, бочонки с ягодами и грибами. Но постепенно клетки пустели, пыл грабителей остыл. Неожиданно мытник показал пальцем на меня и что-то сказал. Говорил он, по-видимому, на древнерусском, но мне все равно ни хрена не было понятно. Я во время всего этого действия сидел на лавке и пытался сам себя успокоить: «Не лезь, Костя, в это дело, это не твои проблемы».

Но все же за три месяца эта семья стала для меня если не родной, то все равно очень близкой, и я еле сдерживался, чтобы не навести порядок. Вейкко перевел мне, что тот требует сказать, чей я человек и почему здесь нахожусь, и что меня сейчас закуют в железо и увезут в Белоозеро на правило. Мне и до этого жутко не нравилось все, что здесь происходило, но сейчас я понял, что надо действовать, иначе

будет поздно. Я, пригнувшись, вскочил с лавки, кинулся на обидчика, тот даже не успел схватиться за меч, а только начал тянуть к нему руку, но это было все, что он смог сделать. Мои руки схватили его за воротник и порты, легко подняли и кинули о стену, раздался тупой звук, и мытник безжизненно упал на пол, из-под его головы потекла небольшая струйка крови. Два холопа, вбежав на шум в дом, вытащили мечи и пошли на меня. Когда я глянул на их кривые движения, мне сразу стало спокойней. Легко уйдя от неуклюжего замаха одного, я подбил колено второго, раздался хруст сустава, и парень, упав на пол, завизжал, схватившись за ногу. Без проблем уклонившись от просвистевшего у самого носа меча, я ткнул пальцем в глаз первого нападавшего. Это было все равно что драться с детьми, да они и на самом деле не доставали мне даже до плеча. Через полминуты в доме лежало еще два трупа. Когда я выскочил в дверь, на снегу уже лежал навзничь последний возчик, с торчавшим в спине топором. Рядом стоял Вейкко и мелко крестился дрожащей рукой.

С большим трудом мне удалось уговорить всех заняться неотложными делами. Нужно было сделать так, чтобы никто не догадался, куда исчез санный поезд Белозерского князя. Вейкко расставался с каждой вещью как с родным ребенком, долго ее вертел в руках, чуть ли не обнюхивал, а потом кидал в костер. Пришлось также зарезать коней и сжечь сани, но всю мелочовку и еду скупой хозяин припрятал. Меня после этого события они наконец по-настоящему зауважали, а две девушки, раньше даже не спрашивающие, кто будет сегодня ночевать со мной, предоставили право выбора мне.

Вейкко после случившегося вел себя странно, ходил в задумчивости и все повторял, что мое появление — это непростое событие. И в один прекрасный

день он завел разговор, что нам нужно поехать к волхву Яровиду, который живет в неделе пути от него, и сейчас самое время это сделать, пока болота замерзшие и к нему можно проехать. И хотя не всем удастся увидеть Яровида, но у такого не боящегося сглаза воина, как я, это получится без труда. Зато волхв точно сможет сказать, зачем я здесь появился.

Собирались мы не один день, а вот проводы были недолги, только обе девушки были грустны, а младшая Айне тихонько шепнула мне на ухо, что у нее будет ребенок и она очень надеется, что это будет мальчик, и такой же большой, как его отец. Я, конечно, прекрасно понимал, зачем родители заставляют своих дочерей спать со мной, и хотя к ним я страстной любовью не проникся, но все равно было грустновато оставлять этот дом, где будет расти моя дочь или сын, которых, скорее всего, я никогда не увижу.

И вот вновь, как совсем недавно, я иду по лесу, но теперь уже вдвоем с Вейкко. Только одеты мы с ним были совсем по-другому: теплые волчьи куртки, на ногах меховые штаны из овчины, унты из собачьих шкур с загнутыми носами, которые очень удобно вставлять в ременные крепления широких лыж, подбитых камусом (шкурой с лосиного бедра). На голове рыжие лисьи малахай. Лишь в этом походе до меня дошло, что семья вепса не только крестьянская, охота — тоже его стихия. Небольшой лук Вейкко с деревянными стрелами без наконечников ловко сбивал на землю тетеревов, глухарей, которых тут же подбирали две небольшие рыжие лайки. Я несколько раз пытался выстрелить из этого лука, но в цель так ни разу и не попал.

Вечером у костра мы уже вполне свободно разговаривали с ним на бытовые темы, но вот описать ему то место, откуда я пришел, просто не хватало слов, и он меня абсолютно не понимал. Но это его

интересовало в последнюю очередь. Гораздо больше Вейкко заинтересовало мое умение драться — он сказал, что никогда не видел такого, даже когда лет пятнадцать назад, еще молодым парнем, бывал в Новгороде. И похоже, он начал считать меня умелым воином, хотя если бы он посмотрел, как я держу меч, это мнение наверняка резко упало бы.

Снег уже был достаточно плотным, и мы спокойно, без труда шли по двадцать — тридцать километров за короткий световой день и скоро вступили на территорию волхва Яровида. Со слов Вейкко, волхв жил здесь уже лет тридцать и завоевал репутацию своеобразного человека. Так, например, он мог просто так вылечить нищую сироту и повернуться спиной к князю. Но трогать его боялись, потому что те, кто специально или по незнанию обижал его, долго не жили и умирали страшной смертью. Все монахи, которые периодически появлялись, чтобы изгнать идолопоклонника, исчезли бесследно и последние годы почти не появлялись в этих местах.

На следующий день к вечеру характер окружающего леса изменился — вместо смешанного прозрачного, в котором было легко и радостно скользить на лыжах, появились высокие ели, застилающие тусклый свет зимнего дня. Откуда-то раздавалось уханье филина. Вейкко извлек из-под ворота куртки деревянный оберег, похоже смазанный кровью, и держал его в руке. Мы шли по такому лесу практически до темноты, когда неожиданно ели разошлись в стороны — на небольшой поляне стоял приземистый дом, из трубы которого курилась тонкая струйка дыма.

Никакого тына не было и в помине.

— Вейкко, а почему у Яровида вокруг дома даже оградки нет?

Тот посмотрел на меня как на умственно отсталого.

— А зачем ему ограда, кто его здесь тронет? С ним

никто не связывается. Старики говорили, что когда-то князь Белозерский сюда с войми пошел. Так после пришлось нового князя кликать да воев набирать. Никто не знает, что с ними случилось.

И тут перед нами появился сам Яровид. Даже я со всеми моими навыками не заметил момента, как у нас на пути выросла фигура крепкого длиннородого старика в хламиде, чем-то напоминающей монашескую рясу, и в теплом лисьем колпаке.

— Ну поздоров будь, вой молодой, чего ходишь, чего пытаешь?

Я, еще не в силах прийти в себя от внезапного появления старика, не мог произнести ни слова. Волхв язвительно улыбнулся:

— Что, язык к губам присох, говорить не можешь?

Я прокашлялся и, с трудом шевеля губами, спросил:

— Что-то не пойму — ты что, по-русски говорить можешь?

— Не знаю, что такое «по-русски», я с тобой по-человечески разговариваю. Ты меня понимаешь, я тебя понимаю. Еще раз спрашиваю — зачем сюда пришел?

— Так вот, Вейкко сказал, что надо идти, мол, помочь мне сможешь.

И я ткнул молчавшего спутника в бок. Тот в ответ на мой толчок мягко упал в снег.

— Эй, ты что с моим другом сделал? — закричал я.

Волхв пожал плечами:

— Проживешь с мое — еще не так научишься.

Он нагнулся и щелкнул пальцами над головой вепса. Тот зашевелился и сел, с недоумением оглядываясь кругом.

— Держи его, сейчас упадет! — закричал Яровид.

Но не успел я нагнуться, как Вейкко захлопал глазами и повалился в ноги Яровиду.

Тот недовольно поморщился и сам поднял мелко-го вепса на ноги.

— Проходите в дом, — предложил он. — Посидим, выпьем взвару малинового, поговорим, может, чем и помогу.

В доме у волхва было неожиданно чисто и тепло, когда я с недоумением смотрел по сторонам на большую комнату с настоящей печкой и каменной трубой, меня не оставляло чувство, что эта комната больше всего дома, который мы только что видели. Кроме того, в комнате была еще дверь, которая вела неизвестно куда. Пахло смолой и сухими травами, запах которых вызывал легкую сонливость и покой.

— Садитесь за стол, гости дорогие, в ногах правды нет, — радушно произнес хозяин.

Вейкко, который с самого начала встречи не произнес ни слова, бухнулся на грубую тесаную скамью, которая стояла около почти круглого стола, сделанного из распиленного пополам огромного березового капа, и продолжал поедать глазами Ярвида.

Я последовал его примеру и присел на такую же скамейку, размышляя, сколько дней понадобилось волхву, чтобы распилить этот кап. По моему взгляду тот сразу догадался, о чем я думаю.

— Хе-хе, — сказал он довольным голосом, — думаешь, как долго я его пилил. И зря, для такого дела есть у меня работники. Твой приятель небось рассказывал о таких...

Волхв подошел к печке и достал из темного нутра большой глиняный горшок, закрытый деревянной обгоревшей крышкой. Сразу аппетитно запахло.

В горшке оказалась вареная медвежатина. Сначала мы немного стеснялись, но уже через несколько минут при виде еды вепс пришел в себя и показал, как надо расправляться с мясом. Запивали все

кислым брусничным морсом и малиновым отваром. Чавканье стояло на всю комнату. Я же ел спокойнее — мне было неудобно перед хозяином, продолжавшим с улыбкой смотреть на меня.

Когда наелись, Вейкко устало отрыгнул, встал и, поклонившись Яровиду, что-то быстро заговорил по-вепски, так, что я не понял ни слова. Яровид поднялся, подошел и распахнул дверь, за которой оказался сеновал, Вепс отправился туда и, рухнув на ароматное сено, захрапел.

Когда мы остались вдвоем, Яровид нагнулся и вытащил из-под топчана бурдюк, в котором что-то булькало. Он развязал затянутый узел и налил по трети деревянных кружек, оттуда немедленно запахло цветами и ароматом жаркого летнего дня.

«Медовуха, — подумал я, — да какая ядреная...»

— Ну вой, расскажи мне, откель ты тут взялся, чего ищешь, — отхлебнув приличный глоток из кружки, спросил Яровид.

Я, путаясь, начал объяснять. К моему удивлению, волхв меня понимал.

— Во как хитро Макошь твою нить прядет, — сказал он, — слышал я про таких, как ты. Иногда не зря вы в этот мир приходите. Сегодня буду глядеть — нужен ты этому миру или нет?

— Послушай, Яровид, а если не нужен, что тогда?

— А что тогда — сгинешь ты здесь просто, и все, — спокойно отвечал старик, — а пока иди ты, паря, на сеновал, там шептун этот уже храпит. Утро вечера мудренее. Завтра все тебе и обскажу.

Я, слегка шатаясь после приличной дозы медовухи, отправился на боковую и сразу провалился в сон.

Видел сон очень хороший — в нем обнимал свою последнюю любовницу, страстно целующую меня, и уже устремился к сокровенному, но был разбужен приличным пинком в бок. Мгновенно вскочив, я

принял боевую стойку и увидел перед собой огромного седоусого воина, ростом он все-таки уступал мне сантиметров двадцать, но в плечах был в полтора раза шире. Тот стоял и, глядя на меня, довольно усмехался:

— Ну ты, паря, здоров спать, только пинками и разбудишь.

Я озирался в недоумении: вроде бы вчера заснул в сене рядом с активно пускающим во сне ветры Вейкко, а тут было какое-то длинное помещение с рядом топчанов и несколькими узенькими окошками, затянутыми непонятно чем, через широко открытую дверь задувал морозный воздух, выдувая ночную вонь.

— Это что? — озираясь вокруг, спросил я, удивляясь, как легко слетают с моего языка слова древнерусской речи.

— Это? Это место, где из таких увальней, как ты, воинов делают. А за тебя сам Яровид попросил, для него я уже постараюсь.

И с этими словами он кулаком, одетым в латную рукавицу, ловко ткнул мне под ложечку.

Я, совершенно не ожидавший такой подляны, упал, скрючившись, и широко открытым ртом пытался вдохнуть воздух, который никак не шел в мои легкие.

Горестно покачав головой, старик сказал:

— Чтобы сейчас же был во дворе! — и вышел.

Я потихоньку, кряхтя, поднимался с пола. В голове была сумятица. Проснуться после хорошего ужина в какой-то казарме, сразу получить в поддых, да еще каким-то чудом понимать древнерусский язык и говорить на нем...

«Да, — подумал я, — без магии здесь не обошлось. Что же ты, Костя, так расслабился, специалист по убийствам называется: дожил — простецкие удары пропускаешь».

Когда я, покачиваясь и держась за живот, вышел во двор, меня встретил дружный хохот двух десятков здоровых парней, одетых в кожаные куртки и штаны, на ногах у них были легкие поршни.

— Десять кругов вокруг града! — рявкнул дядька, или кто он там, и толпа понеслась к воротам небольшой крепостицы, в которых хорошо просматривался берег широкой реки. Снег около деревянной крепостной стены оказался хорошо утоптан — было видно, что бегают тут много и долго. Я бежал вместе со всеми по скрипящему снегу, вдыхая свежий морозный воздух, и даже появилось давно забытое ощущение, как в первой молодости. Так же бежал марш-бросок на тридцать километров, и появлялось такое же ощущение бездумья, потому что знаешь: когда достигнешь цели, тебе поставят задачу, и ты включишь свою соображалку и будешь думать, как с меньшими потерями и большей удачей ее выполнить. А пока тебе командуют «беги», бежишь с пустой головой и ни о чем не размышляешь.

Я бежал вместе с моими товарищами, несколько не отставая, дыхание не сбивалось, и даже захотелось прибавить темпа и прибежать первым. Что я и сделал — обогнал размеренно бежавших парней и чуть ли не на круг обошел их на последних минутах.

— Что, бегать умеешь? — нахмуря брови, сказал наставник. — Это хорошо, убежать сможешь, если что, а вот чтобы догнать — придется тебе еще десять кругов пробежать. А ну тихо! — прикрикнул он на вновь заржавших парней. — Сейчас еще и вы сбегаете.

Я вздохнул и отправился на новую пробежку.

Когда, высунув язык, прибежал во двор казармы, там вовсю шли бои на деревянных мечях. Мне тоже был выдан меч, и напротив меня встал щупловатый паренек, который за пару минут показал, чего я стою в этом деле.

— Стой, стой! — завопил Ратибор, мой мучитель, которого уже несколько раз при мне так называли. — Все с тобой ясно. Я-то думал, Яровид такого неумеху не пришлет, но, видно, правду сказал: с самого начала надо тебя учить.

Но тут раздался звон колокола — оказывается, к обеду, — и все нестройной толпой отправились в казарму: у всех там уже были и деревянные миски, и ложки, и угрюмая бабка быстро из котла наложила полные миски кулеша. У меня же ничего не было, и я озирался по сторонам, пока Ратибор не ткнул меня носом под топчан, где лежал заплочный мешок. В мешке имелись какие-то припасы, в том числе и миска и ложка, которые тут же пошли у меня в дело. В ходе обеда я пытался переговорить со своими товарищами, но те на контакт не шли и быстро сворачивали разговор, не отвечая на вопросы.

Подошедший Ратибор прояснил ситуацию:

— Они тебя, Костяй, еще долго дичиться будут. Ты ведь не просто так пришел. За тебя сам Яровид просил, привез тебя спящего на волокуше — неделю, сказывал, вез. Сказал, что во сне тебя научил разговаривать по-людски. Этакого дива сроду не слыхивал. Вот смотрю на тебя и думаю: че в тебе такого? Ну дубина здоровенная, и все, ни умений воинских, ни ухваток.

— Это как это ухваток никаких? А давай, Ратибор, на ножах с тобой сразимся, — обиделся я.

— Хо-хо, да ты обидчивый, а ведь на сердитых воду возят, — засмеялся Ратибор. — Хорошо, может, чем и удивишь старого вояку. Вот часок передохнем — и покажешь свою удаль молодецкую.

— Ратибор, уж раз начали разговор, то хоть объясни: где я нахожусь, что это за место?

Тот выпучил на меня глаза:

— Да что же, тебе Яровид даже не сказал, куда отправил?

— Ратибор, ты лаптем тоже не прикидывайся — сам, наверно, видел, как я здесь очутился.

Старик улыбнулся себе в усы:

— Да, велик волхв Яровид. Наши монахи в бесильной злобе на него ходят, а сделать не могут ничего. А сейчас ты в Аладъеки находишься, только не в самой крепости, а в малой крепостице для новиков. Чтобы пока они сноровку военную получают, никто их до смерти не довел, а то народ разный у нас бродит.

Я слушал и прикидывал: Аладъеки — это что же, Старая Ладога? А река, наверно, Волхов.

— Ратибор, а год-то ныне какой?

Тот опять с удивлением посмотрел на меня:

— И где тебя такого Яровид откопал? Говоришь как каши в рот набрал, меч держишь как пастух, и даже години не знаешь. А ныне — год от сотворения мира шесть тысяч шестьсот двадцать четвертый.

Вновь я сидел и соображал, где-то в уголке моей памяти оставалось, что надо отнимать то ли пять тысяч пятьсот пятьдесят, то ли пять тысяч пятьсот лет, чтобы перевести эту дату в современное летоисчисление. Но в любом случае забросил меня Яровид далекоовато.

Небольшой перерыв после обеда я потратил на разборку своего мешка, который, как я понимал, был подарком Яровида. Ничего особенного там не было. Смена одежды из хорошо выделанной кожи, а на самом верху лежал амулет — серебряная фигурка женщины на волосяном шнурке. Когда взял его в руки, я неожиданно для себя решительным движением надел его на шею и спрятал под кожаную рубашку. В этот момент меня как будто потрянул слабый удар электричества, тело окатило ледяной волной, и через секунду все прошло. Под сменной одеждой лежал нож. Я медленно вытащил его из

ножен. Да, это был Нож — не нож в понимании моих современников, а нож, которым можно делать все — от убийства и выстругивания свистка до рубки дров. Яровид как знал, что у меня уже сегодня будет испытание. Я взялся за рукоятку и проверил баланс. И нож слился с моей рукой, как будто являлся ее продолжением. Я вскочил с топчана и махнул ножом перед собой, проверяя дистанцию и вспоминая давно забытые в суете жизни навыки ножевого боя. Молодое тело упруго отзывалось на команды, и мои движения все убыстрялись.

— Ого! — слышался сзади возглас Ратибора. — Ты что-то действительно можешь!

И вот мы с Ратибором стоим друг напротив друга, а вокруг нас возбужденные новики рассуждают, за сколько ударов сердца я буду повержен.

Но Ратибор в этом уже так не уверен. Я стою перед ним в своей любимой стойке. Даже пригнувшись, я смотрю прямо ему в глаза, моя правая рука, держащая нож прямым хватом, находится в районе бедра, а левой я могу, используя разницу в длине рук, имитировать удары в голову. Ратибор, наверно, давно уже не пользовался ножом в бою, и, несмотря на попытки спрятать руку с ножом, она все равно идет у него вперед, как будто он хочет нанести мечом рубящий удар. Несколько секунд мы смотрим друг другу в глаза, как бы проверяя противника на слабину. И затем я бросаюсь вперед, отбиваю локтем левой руки его неосторожно вытянутую руку с ножом и продолжаю движение раскрытой ладонью к его глазам. Ратибор непроизвольно отшатывается, и в этот момент моя правая рука с ножом вылетает от бедра и упирается ему в левое подреберье.

Новики вокруг разочарованно загудели, послышалось звяканье мелких монеток, — видимо, кто-то все-таки рискнул поставить на меня медяк.

Ратибор между тем несколько не расстроился.